

Социальные технологии как инструмент разрушения субъектности государства

© В.Н. Ремарчук

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрены социальные технологии как неотъемлемый инструмент современной внешней политики, активно применяемый для разрушения государственной субъектности. Представлено понимание государственной субъектности и ее роли в условиях глобализации. Особое внимание уделено несиловым технологиям смены политических режимов, инструментам разрушения государственности. Сформулированы подходы к противодействию разрушению субъектности государства и потере его суверенитета.

Ключевые слова: государство, государственность, целостность государства, социальные технологии, гуманитарные технологии, мягкая сила, субъектность государства, несиловые технологии, политическая элита, глобализация, суверенитет государства, управляемый хаос, национальная безопасность

Глобальные перемены в современном мире динамичны и многогранны, а главное, трудно прогнозируемы. Их последствия затрагивают весь мир, что подчеркивает сложность глобальных перемен по сравнению с теми, казалось бы, судьбоносными трансформациями, которые случились после окончания Второй мировой войны: образованием мировой системы социализма, ликвидацией колониального господства. Скорость и размах происходящих изменений обусловлены процессом глобализации, катализатором которого выступают технологические перемены в социуме. При этом сформировавшийся вектор развития является следствием не только естественнонаучных, военных знаний и технологий, а в значительной степени социально-гуманитарных. Г.Г. Малинецкий справедливо утверждает, что «главными технологиями сверхдержавы XXI в. будут технологии стратегического и исторического прогноза, проектирования будущего, высокие гуманитарные технологии, методы сборки и разборки исторических субъектов» [1].

Текущие события международной жизни подтверждают данное мнение, поскольку современный субъект политики — это носитель целенаправленной политической деятельности, скоординированной в соответствии со своими национальными интересами, полноценной, отвечающей международному праву и принятым международным обязательствам. Таким субъектом всегда выступает государство.

Именно государства как субъекты взаимодействия порождают процесс глобализации и сталкиваются с его парадоксами, несущими миру противоположные тенденции, такие как интеграция и дезинтеграция, приверженность международному праву и государственный эгоизм исключительности, унификация и этносуверенизация, неприкрытый цинизм и открытая ложь в межсубъектных отношениях и т. д.

Подобные противоречия усиливают неопределенность развития как человечества в целом, так и отдельных общностей, порождают различные последствия — от позитивных до архинегативных, а государство находится в эпицентре этих процессов.

Говоря о субъектности государства, имеют в виду целостность его составляющих, которые проявляются в отношениях с мировым сообществом и внутри страны, позволяющих государству развиваться и функционировать в соответствии со своими национальными традициями, интересами и международным правом. Государство, лишённое субъектности, исчезает как суверенное образование, оно становится неспособным принимать самостоятельные решения, растворяется в политике действий других государств или объединений. С позиции сохранения субъектности выход Великобритании из Евросоюза вполне логичен. Особенно если учесть двойную потерю субъектности стран, которые в него входят: они передали полномочия Евросоюзу, но сам он во многом подконтролен американской внешней политике.

Потеря субъектности наносит серьёзный ущерб национальной безопасности, поскольку государство не может осуществлять самостоятельный курс по причинам политической и финансовой зависимости политической элиты от государства-лидера. Для зависимого государства тяжёлым бременем становятся свобода внутри страны, межгосударственное общение, а также принятие самостоятельных решений, поскольку это право передано другому государству. Как следствие, в социальной и особенно духовной сферах жизни государство, потерявшее субъектность, реализует не собственные ценности и интересы, а чужие, поскольку вынуждено жить в соответствии с ожиданиями других стран. Эксперты утверждают, что нет смысла говорить о гибели государства после потери субъектности: когда нет субъекта, нет смерти — некому умирать. Для большинства населения все происходящее в стране становится непонятным и бессмысленным, наступает многовекторная социально-политическая апатия. Общество деидеологизируется или принимает навязанную ему идеологию, будь то мультикультурализм или бандеровщина, что приводит к атомизации и индивидуализации его членов, разрушению привычных социальных связей между индивидами и обществом.

Таким образом, субъектность государства характеризуется целенаправленной, скоординированной в соответствии с национальными

интересами политической, экономической и иной деятельностью в международном и внутригосударственном пространстве, обеспечивающей суверенитет, территориальную целостность и поступательное социально-экономическое развитие. Источник субъектности — национально ориентированные политические интересы у государства, общества и политической элиты, стремление отстаивать их внутри страны и на международной арене, а также наличие профессиональных руководящих органов и лидеров, способных воплощать национальные интересы в жизнь.

В случае слабости государства цветные революции и мягкая сила приводят к потере субъектности. Этот инструментарий современной геополитики произведен социальными технологиями, которые заняли прочное место во внешней политике государства.

Необходимо остановить разрушение субъектности России и организовать процессы становления субъектности. Сможет ли Россия перестать быть жертвой социальных технологий? Сегодня это главный вопрос, определяющий будущее страны.

Категория «технология» берет свое начало от греческих слов *techne* — искусство, мастерство, умение и *logos* — учение, наука. Первоначально этот термин использовали в области естественнонаучного и технического знания. Затем он получил широкое распространение практически во всех сферах общественной жизни, что привело к появлению во второй половине XX в. нового термина «социальные технологии», который ввел английский социолог К. Поппер [2, с. 418–420]. В отечественной научной литературе сегодня можно встретить такие понятия, как социальные технологии, гуманитарные технологии, высокие гуманитарные технологии. Синтетическое понимание данных категорий дает Б.Г. Юдин, на подходы которого автор статьи будет ориентироваться. Говоря о соотношении понятий «социальные технологии» и «гуманитарные технологии», Б.Г. Юдин подчеркивает, что «там, где речь идет о технологических воздействиях на индивида (или на индивидов), имеет смысл говорить о гуманитарных технологиях; там же, где речь идет о воздействиях на социальные общности любого масштаба, имеет смысл говорить о социальных технологиях» [3]. При этом философ справедливо замечает, что при подобном подходе «очень часто одни и те же воздействия можно относить и к тому, и к другому» [3].

В современном политическом поле социальные технологии выступают в форме проектов, программ, содержащих процедуры и операции, и как система деятельности в соответствии с этими проектами. Говоря о процедурах, часто употребляют прилагательное «мягкий», стремясь подчеркнуть несиловую в традиционном понимании проект или действие. В данном случае программа предопределяет направ-

ленность и содержание проектируемой деятельности, поскольку «мягкость» появилась не случайно. Исторически доказана невозможность изменения вектора России силовыми методами. Их сменили социальные технологии — основной инструментарий мягкой силы, — представляющие собой особый тип влияния, вид власти, непосредственно связанный с информационной революцией, объемом растущей информации, а также со скоростью и широтой распространения этой информации, благодаря новейшим коммуникативным технологиям. Главный смысл мягкой власти заключается в способности властной элиты (и тех, кто ее обслуживает) влиять на поведение широких масс людей и даже каждого человека, опосредованно заставляя их делать то, что в ином случае они никогда не сделали бы. Такую власть смело можно назвать манипулятивной, хотя любая власть в принципе не обходится без использования методов манипулятивного воздействия на своих граждан. Она основывается не столько на убеждении, угрозивании или способности влиять на людей с помощью аргументов, сколько на привлекательности, создании информации и образов, которые становятся важнее содержания. Это власть смыслов, информационных сетей, являющихся результатом информационных технологий и порожденного ими клипового сознания. Чрезвычайная опасность такой власти заключается в том, что информационная революция позволяет перекодировать сознание, начиная с изменения исторической памяти и заканчивая миром символов смыслов. При этом именно социальный код народа оказывается наиболее значимым: на него в большей степени ориентируется социальная память общества, позволяющая противостоять как разрушению извне, так и самоуничтожению.

Очевидно, что вектор действия социальных технологий направлен на общество, следовательно, объектом их воздействия являются люди, различные социальные группы, а также государственные и негосударственные институты и организации. Это неслучайно, поскольку социальные технологии — не только технологии влияния, но и современного управления обществом. Суть такого воздействия в том, что вместо привычного директивно-распорядительного управления и принуждения реализуется система опосредованного управления. При этом степень управленческого воздействия власти не уменьшается, а многократно увеличивается за счет перехода от административного распоряжения к мотивационному опосредованному воздействию. Другими словами, то или иное решение транслируется не с помощью директивы, а посредством конструируемого поведения. При этом человек воспринимает данное решение как собственный выбор, хотя в действительности оно навязано ему со стороны. Мотивационное управление тесно связано с психологией, объ-

ектом этого воздействия становится подсознание. Управленческая практика, таким образом, выходит на уровень управления интуициями.

Запад перешел на данную систему управления после кризиса 1970 г. В России она была принята в деформированном виде, в частности невидимость нитей управления была представлена как их отсутствие. Результат не заставил себя долго ждать: «Я продолжаю настаивать, что это [распад Советского Союза] трагедия, и прежде всего трагедия гуманитарного характера» [4], — подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин.

Эту же особенность выделяет С.Г. Кара-Мурза, говоря о специфике самих технологий. Он характеризует мягкие (гуманитарные) технологии как предполагающие достижение целей путем рационального убеждения или психологических манипуляций, которые не просто побуждают человека делать то, чего желают другие, но и заставляют его хотеть это сделать [5, с. 13]. Использование применительно к мягким технологиям синонима «гуманитарные» оправдано и особой ролью, которую играют в их разработке и применении такие гуманитарные науки, как психология, культурология, лингвистика, этнография, религиоведение и т. д.

Таким образом, социальные технологии можно определить как комплекс сил и средств (психологических, информационных, идеологических, информационных и т. д.), взаимосвязанных по целям и задачам, направленных на достижение поставленной цели, вне зависимости от интересов общества и населения субъекта воздействия.

Логика данного рассуждения позволяет классифицировать социальные технологии по различным основаниям, в том числе по главным сферам общественной жизни и видам человеческой деятельности. В то же время наибольший интерес представляет классификация по основным направлениям социальной деятельности, а именно: технологии формирования социальных систем; функциональные, направленные на поддержание стабильности социальных процессов; направленные на преобразование и развитие социальных систем; социальной борьбы как средство защиты или разрушения социальных систем. Также гуманитарные технологии можно условно разделить на конструктивные и деструктивные.

К конструктивным относятся те, которые способствуют динамичному развитию субъекта в соответствии с его политическими, национальными, культурными и иными изменениями на благо общества и в интересах собственной безопасности.

При применении деструктивных гуманитарных технологий игнорируют культурные особенности объекта технологического воздействия, стремятся поработить его волю, исказить систему смысловосприятия и мотивации. Конечной целью использования деструктив-

ных гуманитарных технологий является создание человека нового типа: зомби-робота, не имеющего собственного суждения, с деформированной психикой (элиминация сущностного качества человека как мыслящего субъекта), а также аннексия естественного права каждого человека распоряжаться своим духом и сознанием (деструктивные гуманитарные технологии — это своеобразная «добрая бомба»: она не лишает человека жизни, но вытесняет его волю и смысл, замещая их чужими). Данные технологии активно используют в современной геополитической борьбе.

Во всем этом многообразии мягкая сила выступает инструментом современных социальных технологий. Поэтому, когда речь идет о противодействии мягкой силе, необходимо иметь в виду весь комплекс технологий социальной и иной направленности, способных противостоять нападающему государству.

Парадигма гибели государства, уничтожение его субъектности в последние годы значительно изменились от прямой агрессии до разрушения государственного фундамента несиловыми методами. Новые технологии борьбы с государственной субъектностью как раз и нацелены на подрыв этого компонента жизнеспособности государственных систем. В свою очередь, государство и государственность соотносятся как часть и целое. Государство — это ядро, важнейший элемент государственности, включает компоненты системы государственного управления, а также территорию и население. Разрушение элементов государства в результате силового воздействия приведет к ликвидации государственности. При высоком потенциале жизнеспособности общества и человека разрушенные элементы власти государства могут быть восстановлены. Подобные ситуации неоднократно случались в истории России. Но если пораженными окажутся общество, человек, все властные институты, то, несмотря на технологическое совершенство, государство будет обречено. Лишившись базовых основ, источников своей идентичности, государство прекратит существование в цивилизационном смысле. Соответственно, современные социальные технологии разрушения государственной субъектности как раз и воздействуют непосредственно или опосредованно на цивилизационно-фундаментальные основы государственности. Ученые отмечают: «Фактически без объявления и широкой огласки была организована нового типа мировая война, в которой применялись средства создания в национальных экономиках и социальной сфере управляемого хаоса. Предполагается, что в хаос превращалась экономическая и социальная жизнь стран, которые становились жертвой этой войны. А сами агрессоры, которые сидели у пульта управления этим оружием, держали хаос в стане противника под контролем, для них он был целенаправленно созданным особым порядком» [6, с. 68].

Исходя из вышеизложенного, западные исследователи сделали вывод, что ослабление неинституциональных основ государственности лежит в поле управленческого воздействия. Следовательно, при целевом разрушении этого фундамента государство может быть уничтожено без применения военной силы.

Что понимают под несилowymi элементами государственности? Важнейшими компонентами государственности выступают скрепляющие ее связи, например, традиции, религиозные нормы, единые этнокультурные идентификаторы, интеграторы центrorегииональных отношений, наука и образование, история Отечества. Именно эти элементы создают цивилизационный облик государства. Соответственно, когда речь идет о разрушении государственности, имеют в виду разрушение этих скреп, что и составляет новую технологию современного геополитического соперничества.

В новейшей истории немало примеров разрушения государств не вследствие военного вторжения, а в результате развития внутренних деструктивных процессов. Можно вспомнить историю древнего мира (Римскую империю) и современную историю (СССР, Ливию и Египет). Например, разрушению Советского Союза предшествовало практически беспрепятственное проникновение иноцивилизационных импульсов в ядро отечественной культуры. Защитные механизмы государства в лице госструктур, отвечавших за идеологию, культуру, науку и образование, а также специальных органов и служб, не сработали: одни в какой-то момент утратили смысл, с другими велась активная борьба по их дискредитации и уничтожению. Результат не заставил себя ждать, следовательно, фаза разложения несилowych оснований является универсальным этапом дезинтеграции любой государственной субъектности.

Технология разрушения субъектности государств посредством стратегий непрямых действий и мягкой силы строится на следующих идеях и подходах:

- применение скрытых подрывных технологий и инструментов для разрушения внутренних скреп государственности без открытой конфронтации и прямого силового столкновения с противником;
- обеспечение абсолютного геополитического господства государства-агрессора над государственной системой атакуемой страны и лишение ее таких важнейших геополитических факторов, как экономическая и ресурсная самодостаточность, способность к устойчивому развитию, международная поддержка и т. д. Это может быть достигнуто путем искусственного создания агрессором в государственной системе страны-жертвы особого пространственно-организационного механизма обеспечения внешнего управления, который позволил бы установить постоянный тотальный, но при этом опосредованный и скрытый контроль над процессами жизнедеятельности атакуемой стороны;

- разрушение государственной идеологии, идейный плюрализм, уничтожение национальных ценностей, насаждение примитивного общества потребления как безальтернативного пути развития, резкое обогащение элиты на фоне обнищания основной массы граждан, потеря приоритетов в экономике и политике, демократический беспредел — все это сознательно внедряемые на четко и подробно разработанной научной основе составляющие управляемого хаоса, служащие главной цели — демонтажу существующих национальных государств, традиционных культур и цивилизаций. На их место должно, по замыслу глобалистов, прийти нечто совершенно новое, а именно — общество, состоящее из людей со стертой исторической памятью (что, в свою очередь, достигается с помощью особых технологий, относящихся в основном к сферам СМИ и образования).

Совершенно очевидно, что в основу организации управляемого хаоса положена перестройка массового сознания и мировоззрения посредством жесткого воздействия современных средств манипуляции всей духовной сферой человека с применением информационных и социально-культурных технологий. Это — мировая информационно-психологическая война, в ходе которой было достигнуто разрушение культуры солидарности, широкое внедрение культа денег и социалдарвинистских стереотипов в представления о человеке и обществе. Способность больших масс населения к сопротивлению, самоорганизации и развитию была резко снижена. Тем самым достигается возможность трансформации общественно-политической системы государства-жертвы в соответствии с собственными интересами и целями.

Итак, можно выделить главные особенности социальных технологий: это определенный способ достижения заданных целей; сущность данного способа состоит в комплексном осуществлении деятельности по разрушению основ государственности; операции разрабатываются предварительно, сознательно и планомерно; разработка проводится на основе и с использованием научных знаний и современных социальных технологий; при разработке учитывается специфика области, в которой осуществляется деятельность, при этом социальная технология выступает в двух формах: как проект, содержащий процедуры и операции, и как сама деятельность, построенная в соответствии с этим проектом.

Как предотвратить разрушение субъектности? Прежде всего, необходимо разобраться в механизмах ее разрушения, одним из которых являются технологии мягкой силы. Для этого следует обратить внимание государства на развитие социальных и гуманитарных наук на основе интеграции гуманитарных и естественнонаучных областей знаний. К сожалению, социальные и гуманитарные науки практически не выполняют свою роль — способствовать предупреждению

опасностей, таящихся в обществе. «Советское обществоведение, ... потерпело полное фиаско. Оно не смогло предвидеть катастрофического системного кризиса конца XX века и даже легитимировало разрушительные действия 1990-х годов» [7, с. 5]. Государство должно овладеть современными социальными технологиями [8, с. 239–244] и обеспечить социогуманитарное развитие страны, прервать пагубную для общества тенденцию, когда социальные и гуманитарные науки остаются невостребованными властной элитой, а ученые отстранены от развития страны.

Необходимо обеспечить национальную безопасность по всем направлениям: экономика, политика, дипломатия, национальная оборона, образование, информационное противоборство и уделить особое внимание формированию государственно-ориентированного сознания людей, в первую очередь молодежи.

Без консолидации всех ветвей власти, интеллектуально-духовной элиты и общества в целом развитие России представляется весьма проблематичным, поэтому нельзя допускать, чтобы между государственной элитой, принимающей судьбоносные для общества решения, и народом была пропасть.

Государство должно представить обществу четкую стратегию развития (понимаемую и принимаемую большей частью населения), обеспечить нормальные условия жизни гражданам и соблюдение конституционных прав. Только на этой основе можно преодолеть пассивность людей, погрузившихся в собственные трудноразрешимые проблемы с самоидентификацией (государственной, этнической, семейной и др.) и живущих по принципу «только бы хуже не было».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Малинецкий Г.Г. Новая реальность и будущее глазами синергетика. *Интелпрос*. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/ps/02/9.pdf> (дата обращения 31.10.2016).
- [2] Поппер К. Нищета историцизма. В кн.: *Из истории мировой гуманистической мысли*. Москва, Просвещение, 1995, 432 с.
- [3] Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям. *Гуманитарные технологии*. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2688> (дата обращения 31.09.2016)
- [4] Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения 29.08.2016).
- [5] Кара-Мурза С.Г. *Краткий курс манипуляции сознанием*. Москва, Алгоритм, 2002, 288 с.
- [6] Лепский В.Е. *Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ)*. Москва, Когито-Центр, 2015, 107 с.
- [7] Кара-Мурза С.Г. *Кризисное обществоведение*. Ч. 1. Москва, Научный эксперт, 2011, 464 с.

- [8] Галаганова С.Г. О потенциале российской «мягкой власти». В кн.: *Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве*. Москва, Изд-во Экон-Информ, 2016, 306 с.

Статья поступила в редакцию 02.11.2016

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Ремарчук В.Н. Социальные технологии как инструмент разрушения субъектности государства. *Гуманитарный вестник*, 2016, вып. 12.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-12-401>

Ремарчук Валерий Николаевич — д-р филос. наук, профессор, декан факультета «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов: современное миротворчество, проблемы общей и военной конфликтологии, ненасильственные технологии смены власти, технологии «цветных революций». e-mail: dekan.fsgn@bmstu.ru

Social technologies as a tool for destructing the state constituent integrability

© V.N. Remarchuk

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper examines social technologies as an integral tool of the current foreign policy which is actively applied for destructing the state constituent integrability. The research provides an insight into the state constituent integrability and its role under the conditions of globalization. The special attention is paid to non-forced technologies for changing the political regimes, tools for destructing the statehood. The study takes a new approach to counteract the state constituent integrability destruction and loosing its sovereignty.

Keywords: state, statehood, state integrity, social technologies, humanitarian technologies, soft force, state constituent integrability, non-forced technologies, political elite, globalization, state sovereignty, controllable chaos, national safety

REFERENCES

- [1] Malinetskiy G.G. Novaya realnost i budushee glazami sinergetika [A new reality and the future from the synergetic's viewpoint]. *Intelros* [Interlos]. Available at: <http://www.intelros.ru/pdf/ps/02/9.pdf> (accessed October 31, 2016).
- [2] Popper K. Nischeta istoritsizma [Poverty of historicism]. *Iz istorii mirovoy gumanisticheskoy mysli: Antologiya* [From the history of the world humanistic thought. Anthology]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1995, 432 p.
- [3] Yudin. B.G. Ot gumanitarnogo znaniya k gumanitarnym tekhnologiyam [From humanities to humanitarian technologies]. *Gumanitarnye tekhnologii* [Humanitarian technologies]. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2688> (accessed September 31, 2016).
- [4] Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" [Meeting of the International Discussion Club "Valdai"]. *Prezident Rossii* [President of Russia]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (accessed August 29, 2016).
- [5] Kara-Murza S.G. *Kratkiy kurs manipulyatsii soznaniem* [A short course of manipulation of consciousness]. Moscow, Algoritm Publ., 2002, 288 p.
- [6] Lepskiy V.E. *Evolutsiya predstavleniy ob upravlenii (metodologicheskii i filosofskii analiz)* [The evolution of ideas on management (methodological and philosophical analysis)]. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2015, 107 p.
- [7] Kara-Murza S.G. *Krizisnoe obschestvovedenie* [Crisis social science]. Part 1. Course of lectures. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2011, 464 p.
- [8] Galaganova S.G. O potentsiale rossiyskoy "myagkoy vlasti" [On the potential of Russia's "soft power"]. *Rol tekhnologii "myagkoy sily" v informatsionnom, tsennostno-mirovozzrencheskom i tsivilizatsionnom protivoborstve* [The role of "soft power" technology in confrontation of data, values, world outlook and civilizations]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2016, 306 p.

Remarchuk V.N., Dr. Sci. (Philos.), Dean of the Faculty of Social and Humanitarian Sciences, Professor of the Department of Political Sciences, Deputy Editor-in-Chief of Humanities Bulletin. Research interests include modern peacekeeping, problems of general and military conflictology, non-violent technologies of changing power, the technology of “color revolutions”. e-mail: dekan.fsgn@bmstu.ru